

А. И. Коваленко

Религиозная жизнь казаков Дальнего Востока

В казачьих землях Дальнего Востока православная церковь играла особую роль. Распространение православия, христианизация местного населения рассматривались государственной властью как важный фактор укрепления русского владычества в новых землях. Содержание православного вероучения, неразрывно связанное с идеей монархизма, являлось традиционной мицко-воззренческой основой казачества. Воспитывая казака как слугу государства, православная Церковь укрепляла в казачьей среде уважение к закону и доверие к государственной власти. Казачьей психологии воина и пахаря была близка нравственная проповедь Церкви с ее принципами справедливости, благочестия, соборности, что оказывалось особенноозвучно общинному образу жизни казаков. Православное мироощущение не противоречило таким нравственным основам казачества, как свободолюбие, стремление к независимости, мужество и др. Нельзя не отметить значения Церкви в жизни казачьей семьи, в воспитании таких духовных качеств, как верность семье, послушание, стыд, осознание греха и т.д.

Первые церкви на Амуре были основаны казаками-землепроходцами еще в XVII в. В каждом островерге возводился свой храм. В 1671 г. священник Гермоген основал Албазинский Спасский и Кумарский монастыри.

В период освоения русскими Дальнего Востока, а именно во второй половине XIX в. шло и строительство церквей. В 1910 г. в Амурском казачьем войске были возведены 24 церкви и 51 часовня. На один храм приходилось 1687 прихожан¹. В Уссу-

рийском войске количество приходов по отношению к быстро растущему населению было несколько ниже. В 1914 г. здесь имелось 14 церквей и 24 часовни: на каждую церковь приходилось 3017 верующих².

Возможностей жить полнокровной церковной жизнью у дальневосточного казачества было меньше, чем у населения Европейской России, где уже в 1860-х годах прошлого столетия функционировало 37 428 церквей, каждая из которых в среднем обслуживала 1375 прихожан³. Но если учесть, что дальневосточные казаки вели отсчет своей истории не тысячелетием, а только пятидесятилетием, строили храмы и содержали приицы за собственный счет, то можно сказать, что ими была проведена колоссальная целенаправленная работа по созданию центров православной веры на востоке страны.

Стремление распространения православия на максимально обширную территорию, быстрые темпы строительства храмов приводили к внедрению упрощенных архитектурных вариантов. Типичным церковным зданием в казачьей станице являлся одноэтажный деревянный дом на кирпичном фундаменте с колокольней. Крыши церквей чаще всего покрывали оцинкованным железом. При церкви, как правило, имелись дома для священнослужителей и сторожка⁴. Одними из первых были построены здания в станицах Кумарской, ЕкатериноНикольской, Иннокентьевской. К 1890-м годам относятся постройки церквей Святой Троицы в станице Албазинской, Покрова Пресвятой Богородицы на хуторе Покровский, Архангела Михаила в ст. Ека-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 330. Оп. 63. Д. 175. Л. 1.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее: РГИА ДВ). Ф. 149. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

³ Отечественная церковь в 1862 г. // Христианские чтения. 1863. № 1. С. 97.

⁴ Государственный архив Амурской обл. (далее: ГААО). Ф. 29. Д. 98. Л. 56, 92; Д. 88. Л. 1, 10; Д. 89. Л. 1, 20, 25, 37.

терининской, в 1900-е годы появились новые здания Ильинской церкви в ст. Игнашинской, церкви Сретеня Господня в ст. Черняевой. Последняя представляла собой пятиглавое здание, окрашенное в голубой цвет. В куполе были сделаны небольшие окна для света, в нижних окнах монтировалась крестообразная железная решетка. Иконостас — деревянный, розовой окраски с колоннами и золоченой резьбой, с резными Царскими вратами. В двухъярусном иконостасе размещались написанные на полотне иконы⁵.

Среди церковных зданий в казачьих станицах одним из самых уникальных архитектурных сооружений был храм Рождества Христова в пос. Венюковском Уссурийского казачьего войска, сооруженный в 1894 г. по проекту военного инженера Федора Петровича Миллера на пожертвования прихожан и войсковые средства. На строительство этого храма внесли пожертвования император Николай II и Священный Синод. Это было просторное деревянное здание, архитектурно соответствующее православному храму, колокольню которого украшали три железных, великолепно вызолоченных креста, сделанных по типу крестов на Успенском соборе в Хабаровске⁶.

Содержались церкви за счет денежной и натуральной рути с прихожан, пожертвований и дохода, получаемого с земли. На основании «Положения об образовании Амурского казачьего войска» каждому причту отводилось по 90 дес., удобной к хлебопашству и скотоводству земли. С 1869 г. церквам отводилось по 300 дес. земли. В границах отвода Духовского церковные наделы в Амурском войске составили 5812 дес., в Уссурийском — 2623⁷. Но далеко не все церкви, особенно на Верхнем Амуре, владели землей. Большинство приходов при наличии довольно больших наделов ощущали дефицит земли, удобной для ведения хозяйства. Например, Ильинская церковь, располагая 250 дес. земли, использовала под пашню лишь 10, а под сенокос — 15 дес. Церковь Архангела Михаила получала за землю годовую арендную плату в сумме 477 руб., что было меньше годового жалования священника⁸.

Духовенство станичных церквей бедствовало, систематически недополучало от станичников

средств на содержание, занималось тяжбами с атаманами и правлениями по поводу сбора денег, ремонта церковных зданий, подвоза дров и т.д. Казачьи церкви, выполняя духовную миссию, находились в экономической зависимости от станичных обществ.

Влияние Церкви среди населения во многом определялось личностью священнослужителей. История дальневосточного казачества была освящена именем и деятельностью ближайшего сподвижника Н.Н. Муравьева, преосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатской епархии, центр которой в 1858 г. был перенесен в город Благовещенск.

Архиепископ Иннокентий (в миру — Иван Евсеевич Попов) прибыл на Амур, имея обширную миссионерскую практику. Широко эрудированный человек, он внес огромный вклад в освоение и изучение Камчатки, Аляски, Амура и Приморья, был этнографом и естествоиспытателем, владел монгольским, якутским, алеутским и калошским языками⁹. Велика заслуга преосвященного Иннокентия в распространении православия в казачьих землях: строительстве церквей, открытии церковно-приходских школ, христианизации инородческого населения. Во время объезда епархии он бывал в самых отдаленных хуторах и станицах, совершал богослужения, вел беседы об организации хозяйства, воспитании детей и других мирских делах. Этот архипастырь пользовался непрекаемым авторитетом у казаков.

Навсегда вписано в историю заселения Приамурского края имя первого священника Усть-Зейской станицы, а затем города Благовещенска — Александра Сизого, человека мужественного, честного, преданного великой идее. Он был назначен преосвященным Иннокентием на устье Зеи священником миссионером для казаков Амурского полка и тунгусов, кочевавших по притокам Зеи. Оставив детей у отца в Петровском Заводе и получив все наставления в Чите, он отправился к месту службы. На проезд от Якутска до Зеи ему выдали деньги на две прогонные лошади и взаймы 220 руб. подъемных, которые он должен был позже вернуть в Якутское духовноеправление, и положен оклад 441 руб. 07 коп. в год и 100 руб. для разъездов по тунгусским стойбищам¹⁰.

⁵ Благовещенские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 10; Камчатские епархиальные ведомости. 1898. № 4. С. 54—58.

⁶ Приамурские ведомости. 1894. № 52.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25/2. Д. 297. Л. 177 об.; Ф. 1573. Оп. 2. Д. 771. Л. 17; Столетие военного министерства. СПб., 1902. С. 549

⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 88. Л. 10 об.; Д. 89. Л. 25.

⁹ Гонсович Е.В. История Амурского края. Как русские завладели Амуром и как на нем утвердились. Благовещенск, 1914. С. 129—135.

¹⁰ Государственный архив Читинской обл. (далее: ГАЧО). Ф. 30. Оп. 2. Д. 79. Л. 1—2.

Отец Александр Сизой внес неоценимый вклад в утверждение православного вероучения на новых землях. Он бывал в самых отдаленных уголках своего прихода, нес слово Божие и отправлял службы не только в стационарных селениях, но и в палатках, и даже проповедовал под открытым небом. В августе 1858 г. священник с 12 рядовыми солдатами на лодках за 14 суток доплыл до Хабаровки, освятив место строительства будущего храма во имя св. Марии Магдалины, а также для казарменных помещений. Пробыв в пути 42 дня, он возвратился в Благовещенск¹¹.

При непосредственном участии о. Александра была воздвигнута первая деревянная Никольская церковь в Благовещенске, алтарем которой стала усыпальница «положивших живот свой за страну сию», т.е. казаков, погибших в «амурском» деле¹².

Станичное духовенство в основном представляло собой выходцев из крестьянского или духовного сословия, в большинстве своем закончивших духовные семинарии, в исключительных случаях самоучек, принявших духовный сан. Они были призваны утверждать прихожан в истинах веры и благочестия, поддерживать их патриотические чувства, содействовать воспитанию и обучению детей, подавать пример скромности и высокой нравственности. Известны случаи, когда мнение станичных священников становилось решающим при выборе или смещении атаманов. Например, по предложению Церкви был отстранен от должности атаман ст. Екатерининской Глотов, как несоответствующий ей по религиозно-нравственным качествам¹³.

Церковь поддерживала деятельность казачества по укреплению православной веры среди населения. Так, казак Фрол Патрин за постройку часовни при Радевском храме был награжден золотой медалью «За усердие», а казачий старшина Василий Цха из с. Благословенного — медалью за помощь в миссионерском служении среди корейцев. И такие факты не единичны¹⁴.

Правительство рассчитывало опираться на казачество в деле распространения православия в новых регионах и в частности на Дальнем Востоке. В 1858 г. губернатор Н.Н. Муравьев доносил

великому князю Константину Николаевичу: «Преосвященный архиепископ Иннокентий избирает для своей кафедры станицу Усть-Зейскую, что я нахожу весьма основательным, ибо оттуда ближе всего действовать на населенную часть Маньчжурии»¹⁵.

Архиепископ Иннокентий, в свою очередь, писал обер-прокурору Синода А.П. Толстому: «надобно, как можно скорей обратить духовное внимание как на новопоселяющихся из России и Сибири всякого рода и всякой веры людей, так и, в особенности, на соседей наших, дабы между прочим, предупредить католиков и протестантов во-дворением миссионеров между маньчжурами»¹⁶.

Серьезная опасность для единства православной церкви имелась в лице старообрядчества и разного рода сектантства. Правительство принимало жесткие меры, чтобы не допустить старообрядческого влияния в среду казачьего православного населения. И это ему удавалось. В отчетах Уссурийского казачьего войска до 1897 г. нет сведений о раскольниках, в сноске к отчету Амурского казачьего войска поясняется, что раскола в казачьей среде не имеется. Однако с начала XX в. в результате интенсивного переселения казаков из европейского региона картина несколько изменилась. К 1914 г. в Амурском казачьем войске среди казаков-христиан было зарегистрировано 148 человек неправославного вероисповедания, что составило 0,4% от всех верующих. Кроме того, среди казачества появилось 246 иноверцев (0,49%)¹⁷.

В Уссурийском казачьем войске православное население насчитывало 42 243 человека, раскольников же было 168, или 0,4% от числа верующих. На территории войска проживало 1823 иноверца (4,1%)¹⁸.

Серьезное внимание уделялось борьбе против старообрядчества и сектантства, особенно против баптистов. Основой для нее являлись основные догматы учения последних, запрещающие верующим браться за оружие и принимать присягу. Полиция осуществляла постоянный контроль за деятельностью сектантов, было введено обязательное присутствие представителей полицейской власти

¹¹ Протоиерей А. С-ой. Сказание старожила о первом в Благовещенске храме во имя Святителя Николая, Мирликийского Чудотворца. Б/м. Б/г. С. 16.

¹² Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 69, 116.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 583. Л. 1, 4.

¹⁴ Там же. Д. 612, Л. 1, 3; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 283. Л. 5.

¹⁵ Приамурские ведомости. 1900. 6 авг. № 345.

¹⁶ Камчатские епархиальные вед. 1895. № 5. С. 119.

¹⁷ Отчет правления Амурского казачьего войска за 1914 г. С. 7.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

на молитвенных собраниях, чинились препятствия для регистрации новых групп сектантов¹⁹.

Православным казакам запрещалось переходить в другие конфессии. Приказами по войску, приговорами станичных сходов и решениями правлений отступники исключались из войскового сословия. Суровому наказанию подвергались казаки, вступавшие в браки с представительницами сект. Так, например, казак Амурского войска Федот Мироненко за венчание с баптисткой был отчислен из казачьего сословия, предан окружному суду и его семья выселена с территории области. В то же время поощрялось обращение иноверцев в православие, а также пострижение казаков в монашество, уход их в Будундинский и Свято-Троицкий монастыри²⁰.

Защищая интересы православной Церкви, правительство приняло законодательные меры, не допускавшие возможности получения сектантами военного образования и продвижения по службе. Молоканам, духоборам, баптистам запрещалось поступать в военные училища и школы прапорщиков, а также подавать представления к производству в офицеры и к испытаниям на получение офицерского чина²¹.

Наряду с запретительными и карающими средствами в борьбе с ересями государство и православная церковь вели просветительскую деятельность через проповедников, церковно-приходские школы, распространение духовной литературы. Осуществляя поездки по станичным приходам, высшее духовенство отмечало порой слабую (по тем меркам) религиозность казаков. В 1905 г. после объезда верхнеамурских приходов, епископ Приамурский и Благовещенский Никодим писал, что казаки станиц Черняевой, Албазина, поселков Бекетова, Толбузина, Кузнецова мало посещают храм Божий: «Всем людям необходимо прибегать к помощи Божией и приходить в храм пред лицем Его, а вам по роду вашей службы в особенности. Вы — казаки и жизнь ваша боевая. Каждый снаряд, каждая пуля и удар сабли не смертоносны ли для вас? Если же вы остаетесь целы, невредимы, то тем, несомненно, обязаны благости и милости Божией, дивно охраняющей вас на бранном поле»²². Отмечается, что женщины-казачки повсеместно были глубоко набожны.

Чрезвычайно важную роль православная Церковь отводила соблюдению норм церковной жизни: понимаю богослужения, правильному почитанию икон, соблюдению религиозных праздников. Из числа святых Русской Православной Церкви наибольшей любовью среди амурских и уссурийских казаков пользовался святитель Иннокентий Иркутский, вышедший из древнего рода волынских дворян Кульчицких. Получив высшее богословское образование, святитель Иннокентий принял монашество, состоял профессором Киевской, а затем Московской Славяно Греко Латинской академий. В 1721 г. он был отправлен с государственной миссией в Пекин. Но поскольку Китай в то время проводил закрытую внешнюю политику, русский посланник не был принят. Не получая жалования, в крайней нужде, смирении и благочестии жил святитель в Сибири. В 1727 г. по указу Святейшего Синода его назначили первым епископом образованной Иркутской епархии, включавшей территорию всей Сибири и Дальнего Востока. Святитель Иннокентий вложил много труда в дело образования и нравственного воспитания местного населения, строил церкви, распространял православие. Сразу же после смерти его стали почитать как святого, приходили к его гробнице за помощью и поучали исцеления. Через 70 лет были обретены нетленные мощи епископа Иннокентия и положены в Вознесенском монастыре г. Иркутска. День 9 февраля стал ежегодно отмечаться как день открытия святых мощей святителя Иннокентия. Во многих казачьих семьях хранились иконы святителя: перед ними возжигались свечи и люди молились о своем здравии или ехали на поклон к святителю в Иркутск²³.

В честь святителя Иннокентия в Сибири освящалось множество церквей и часовен. В Амурском казачьем войске часовни в честь святителя Иннокентия имелись в хуторах Бекетовском и Перемыкинском.

Дальневосточные казаки высоко чтили святую Албазинскую икону Божией Матери, именуемую еще «Слово плоть бысть». На холсте размером 73 на 67 изображено чревоношение Богомладенца (иконописный тип «Знамение»). Авторство иконы точно не установлено. История ее появления на

¹⁹ РГВИА. Ф. 1582. Оп. 2. Д. 310. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 224. Л. 2; Приамурские ведомости. 1900. 13 авг. № 344; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 461. Л. 5.

²¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 533. Л. 6; Ф. 1582. Оп. 2. Д. 338. Л. 7.

²² Благовещенские епархиальные вед. 1905. № 5. С. 107.

²³ Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 205—206; Иванов Р. Указ. соч. С. 109—112; Благовещенские епархиальные вед. 1905. № 5. С. 97—102.

Албазинская икона Божией Матери («Слово плоть бысть»).

Амуре связана с русским землепроходчеством. Е. 1666 г. группой казаков во главе с Никифором Черниговским в Албазинский острог был привезен старец иеромонах Гермоген с иконой Божией Матери. Он основал небольшой монастырь недалеко от острога, куда поместили икону, получившую потом название Албазинской²⁴.

Икона стала главным духовным символом защиты казачества в борьбе с врагом. Она была той святыней, которая была с небольшим отрядом казаков, возглавляемым воеводой Толбузиным, во время осады в 1685 и 1686 гг. в Албазинском остроге. Албазинской иконой был благословлен сплав казачьих войск на Амуре в 1854 г. С именем Албазинской Богоматери связывали казаки победу над китайцами в боях за Благовещенск в 1900 г.

Икона считалась помощницей в лечении больных людей и животных. К ней обращались роженицы, люди во время эпидемий и стихийных бедствий. С ее присутствием связывали прекращение страшной эпидемии чумы в пос. Бабтовском в 1888 г.

Учитывая растущую популярность иконы Албазинской Богоматери, преосвященный Никодим

обратился в Священный Синод с просьбой о разрешении брать икону из Благовещенского кафедрального собора, где она хранилась с 1868 г., и перевозить ее. С 1902 г. икону стали ежегодно носить по станицам и селам, расположенным вдоль Амура. Передвижение иконы сопровождалось служением литургий, крестными ходами, выступлениями церковных хоров, участием в торжествах большого числа верующих. Крестные ходы с чудотворной иконой укрепляли и распространяли православную веру среди местного населения²⁵.

Особым почитанием среди амурских казаков пользовался праздник святого великомученика и Победоносца Георгия — покровителя воинства, также архистратига Божия Михаила как невидимого руководителя казаков на войне, Николая Чудотворца, издавна почитавшегося на Руси в качестве покровителя странствующих и путешествующих, святого Алексея Человека Божия. Икона Албазинской Пресвятой Богородицы считалась покровительницей всех казачьих матерей²⁶. Богослужения с торжественными молебнами были неотъемлемой частью всех торжеств, устраиваемых в казачьих станицах. Они проводились в войсковые праздники, в царские дни, в честь военных побед. Особенно торжественно служились молебны в знаменательные для царской семьи дни: священного коронования, рождения престолонаследника, приезд царя Николая II на Амур, 300-летний юбилей царской династии Романовых. Эти праздники способствовали воспитанию глубоких патриотических чувств у казаков.

Церковь занималась и социальной опекой населения. В конце 1890-х годов стало распространяться под руководством священников движение за трезвый образ жизни. Например, в ст. Михайло-Семеновской, в поселках Бабтовском, Кукалевском, Новом, Воскресеновском и других были созданы общества трезвости. Они распространяли духовную литературу, открывали избы читальни, организовывали духовные чтения среди населения²⁷. Совместная деятельность правительства и Церкви была направлена и на преодоление многочисленных суеверий среди части духовно непросвещенного населения, на формирование православного мировоззрения у казаков, на приобщение их к церковной жизни.

²⁴ Благовещенские епархиальные вед. 1905. № 2. С. 39—40; Холкина Т. А. Албазинская икона Божией Матери — памятник истории и культуры XVII в. // Да ведают потомки. Благовещенск, 1991. С. 24—25.

²⁵ Иванов Р. Указ. соч. С. 136.

²⁶ Элов Н. И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1899. С. 53; Амурская газета. 1900. 12 нояб. № 46.

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 714. Л. 5—6; Амурская газета. 1898. № 2; Камчатские епархиальные вед. 1898. № 3—4.